

Александр Грин

Два обещания

«Public Domain»

1927

Грин А. С.

Два обещания / А. С. Грин — «Public Domain», 1927

Обещания надо выполнять...

Содержание

I	5
II	6
III	7
IV	8

Александр Степанович Грин

Два обещания

I

Всю ночь берега Покета рвал шторм. Ветер ударял с моря. Были сломаны кукурузные посевы, изгороди; толевые и железные крыши местами отвернулись, как поля шляп.

В саду Гаррисона, начальника каторжной тюрьмы, стоявшей в полумиле от Покета, повалились два дерева. Они загромоздили аллею. Гаррисон приказал убрать их; к десяти часам партия арестантов отправилась из тюрьмы в сад. Они обрубили сучья и стали распиливать стволы.

Отправляясь в канцелярию, Гаррисон задержался около работающих и стал смотреть. Работа пошла так быстро, как движение на экране при ускоренном пропуске ленты.

Его дочь, одиннадцатилетняя Джесси, росшая свободно, как мальчик, и ни в чем не знающая запретов, была с ним. Оставив отца, она заметила, что нижняя ветка одного из свалившихся стволов прилегает к стволу старого дуба так удобно, как лестница.

Джесси умела лазать по деревьям с наглостью и хладнокровием существа, уверенного в своей безнаказанности. Ей пришлось в голову закричать с вершины: «Папа, тебя требуют к телефону».

Обдумав это, она стала влезать, переходить с сука на сук, как по вертикальной винтовой лестнице, и скоро была на высоте двух третей ствола, волнуясь при мысли, что отец заметит ее отсутствие раньше, чем она сообщит ему о своей проделке.

Вскоре расположение ветвей заставило девочку искать такую ветку, ухватясь за которую она могла бы ступить на ту сторону ствола, с какой виден Гаррисон.

Она вытянулась, схватилась за тонкий сук левой рукой и, передав ему свою тяжесть, отпустила правую руку. Сук, росший из более толстого ответвления ствола, треснул в месте сращения. Вцепясь в него обеими руками, Джесси потеряла точку опоры и повисла. Обида, испуг и самолюбие заставили ее крикнуть те самые слова, которые она повторяла себе, взбираясь на дерево:

– Папа, тебя требуют...

Затем она закричала и заплакала.

Гаррисон взглянул вверх и помертвел. Джесси висела высоко над ним, подобрав ноги и стиснув коленками вертикально натянутую ветку, основание которой медленно, но неуклонно отдиралось под ее тяжестью.

Гаррисон растерялся, потом поднял вверх руки. Его резко оттолкнул арестант Э 332; он, расставив ноги и протянув руки, как Гаррисон, но не вверх, а на уровне лица, принял на себя удар тела с воплем мелькнувшей вниз девочки.

В момент толчка он присел. Руки его временно отнялись. Он опустил сильно встряхнутую, потерявшую сознание Джесси на траву и, вытирая пошедшую носом кровь, сел с закружившейся головой.

Повелительное и тяжелое лицо начальника каторжной тюрьмы исчезло. Вышло его настоящее лицо, по которому текли слезы. Он поднял Джесси и унес в дом.

Послышался шум. Некоторые арестанты, а также конвойные хлопнули Э 332 по плечу, принесли воды, и он выпил полную кружку, стуча зубами о край.

– Полсрока отработал, Эдвей, – сказал один из конвойных.

Эдвей встал, помахал руками, потряс головой. Она все еще туманилась и гудела. В это время прибежал помощник Гаррисона и приказал Эдвею немедленно идти к начальнику.

II

Эдвей никогда не был в квартире начальника тюрьмы. Он прошел ряд светлых, красивых комнат с иллюзией возвращения в мир, покинутый пять лет назад.

Гаррисон отослал конвойного, который сопровождал Эдвея, и сам ввел арестанта в свой кабинет; его окна, выходя на тюремный двор, были заделаны решеткой.

– Ваш номер? – спросил он, давая знак, что Эдвей может сесть.

– 332.

– Ваше имя?

– Томас Эдвей.

Официальный тон не помог Гаррисону овладеть волнением, и он оставил его.

– Послушайте, Эдвей, – сказал начальник после короткого молчания, – вы можете требовать, что хотите, за то, что вы сделали. Кроме невозможного. Я обязан вам больше, чем жизнью, и вы это понимаете.

– Конечно, я понимаю. – Эдвей задумался. – Мне не хочется огорчать вас, но я думаю, что если вы не сделаете, о чем я буду просить, все же кричать на меня не будете.

Гаррисон посмотрел на Эдвея с беспокойством.

– Говорите, что там у вас? Неделя отдыха? Похлопотать о сокращении срока? Или что?

– И больше и меньше, – сказал Эдвей. – Как взглянуть. Я прошу вас снабдить меня городским платьем, выдать мне заработанные деньги за полгода – это составит, приблизительно, полтора фунта – и отпустить меня на свободу до половины шестого следующего утра. В шесть происходит поверка. К назначенному сроку я буду здесь.

Гаррисон засопел, взял сигару резким движением и нервно захлопнул ящик.

– В другое время, – сказал он со вздохом, – выслушав такую просьбу, я, конечно, приказал бы дать вам дюжину-другую плетей. Теперь дело иное. О том, что вы говорите, я читал в романах. Не знаю, чем это кончалось в действительности. Ну, что даст вам один день? Зачем это?

– Будь вы на моем месте, вы прекрасно понимали бы, что такое свободный день.

– Каждый из нас на своем месте, – сказал Гаррисон. – Что привело вас сюда?

– Мои страсти.

– В образе?..

– Трех векселей. Я отбыл пять лет, осталось три года.

– Сдержите ли вы слово? Или я заранее должен приготовить прошение об отставке?

– Я совершил подлог, но не потерял чести. – возразил Эдвей. – Разговор становится тяжел для меня. Решите – «да» или «нет».

– Ужасный день! – сказал Гаррисон. – Что я могу? Оставайтесь здесь и ждите.

Он вышел и возвратился через несколько минут, хмурый, утомленный собственным решением, которое, подобно трещине, зияло на эмали его характера нервной, острой чертой. В его руках были башмаки, шляпа, костюм, и он подал это Эдвею. Оба они смутились. Заметив, что арестант смотрит на него с изумлением и восторгом, Гаррисон нахмурился, махнул рукой и вышел опять, плотно прикрыв дверь.

III

«Невозможно, ослепительно!» – думал Эдвей. Он хватался за одну вещь, за другую, оставлял их и снова хватал. Сознание совершившегося, причем так неожиданно, и забегающая вперед мечта о свободной городской улице мешали ему сообразить, что должен он сделать с брюками или жилетом. Когда он снимал арестантское платье, его руки тряслись. Чтобы вызвать сосредоточенность, Эдвей стиснул зубы. Вещи плясали в его руках. Порыв, падение девочки, адская боль в плечах, взволнованный Гаррисон, просьба о невозможном, чего хотел он, как сдавленная грудь хочет полного воздуха, неловкое и высокое решение Гаррисона – он обо всем думал зараз, с трудом находя среди неожиданностей дня место своему нетерпению. Он отвык застегивать воротник, завязывать галстук. Он одевался со стыдом, непонятным, но важным и неизбежным, как всякий хороший стыд.

Покончив с переодеванием, Эдвей подошел к стеклу книжного шкапа. Там, сливаясь с переплетами книг, стоял в темной воде высокий мускулистый человек статной осанки – тот самый, каким был Эдвей несколько лет назад.

– Это сон о свободе, – сказал он. – И я, конечно, вернусь.

– Покончим с этим неприятным делом, – сказал, входя, Гаррисон. – Идите за мной.

Говоря так, он протянул ему два фунта и пошел впереди Эдвея по глаголю коридора.¹ Все двери были закрыты. В конце прохода был выход на шоссе, ведущее к городу.

Гаррисон выпустил арестанта и крепко повернул ключ. На душе у него было неверно и смутно. Он отлично сознавал значение своего поступка. С этого дня меж ним и Э 332 образовалась неестественная связь, полная благодарности, о которой хотелось не думать. Однако он не мог быть так крупно обязан Эдвеем и кому бы то ни было, не заплатив полной мерой. Уже готов был он пожелать никогда не видеть его более, но сообразил, что это – дрянная трусость.

Он вернулся в кабинет и увидел свою жену. Она, сохраняя в лице спасительное насмешливое выражение, свертывала арестантскую одежду Эдвея.

– Оставь это здесь, Эми, – сказал Гаррисон. – Как ты узнала?

– Но... я видела в окно, как он ушел.

– Меня всегда удивляло, что женщины всегда все узнают, – сказал Гаррисон, очень недовольный собой. Наконец он решил, что пора улыбнуться. – Ну, он меня поддел! Это произошло врасплох. Я не мог быть меньше его, но я надеюсь, что он не явится. До половины шестого утра завтра. Как он обещал.

– Он явится, – сказала Эми, засовывая сверток за шкап. – Можешь быть в этом уверен.

– Что ты говоришь?!

– Но ты и сам отлично это знаешь.

– Я?

– Ты и я, – мы оба это знаем.

– Эми, он не придет.

– Зачем ты говоришь против себя?

Помолчав, Гаррисон позвонил в канцелярию:

– Латрап? Э 332, который спас Джесси, разбит. Этот день он проведет в постели, в моей квартире. Что? Да, я рад, что вы понимаете. Поместите его в больничный список, утром переведем в лазарет. Что? Да пусть отдохнет. Более ничего.

¹ Глаголь коридора – коридор в форме буквы «Г» (по старославянски – «глаголь»).

IV

Весь день Гаррисон думал о происшедшем и заснул поздно, одетый, у себя в кабинете. Когда рассвело, он проснулся, положил на стол часы и стал ходить, взглядывая на циферблат. Чем ближе стрелка подвигалась к половине шестого, тем быстрее менялись его желания. Сложным, непривычным для него путем он наконец пришел к заключению, что желать обмана – невеликодушно, и приготовился услышать звонок.

Когда он прозвучал – и это было идеально точно, как раз на половине шестого, – Гаррисон от этой драматической точности испытал большее удовольствие, чем при мысли, что не надо теперь придумывать для округа историю несуществующего побега. Он пошел к выходу и открыл дверь. В сумерках рассвета стоял перед ним Эдвей, с слегка вольно надетой шляпой. От него пахло вином; он был сдержан и утомлен.

– Молчите, – сказал Гаррисон, заметив в его лице искреннее движение. – Я не хочу говорить более обо всем этом. Ступайте, переоденьтесь и отправляйтесь в лазарет к дежурному. Вот записка.

Раскаиваясь в своей мрачности, он прибавил:

– Благодарю вас.

Снова стесняясь и избегая смотреть в глаза, они прошли тихо, как воры или дети, в кабинет Гаррисона, где Эдвей принял свой прежний вид. Затем Гаррисон вывел его другим ходом в дверь тюрьмы, запер дверь и облегченно вздохнул. Его кошмар кончился, а трещина осталась и расцвела.

Через день после этой истории, рано утром, помощник Гаррисона Латрап быстро вошел в кабинет начальника, протянув письмо.

– Вот все, что осталось от Э 332, – сказал он. – Эдвей бежал ночью, распилив решетку. Он оставил под подушкой это письмо, которое адресовано вам.

Гаррисон закаменел и прочел:

«Я видел сон, что я на свободе, что шторм, опрокинувший деревья в саду, загнал в бухту. Покета яхту моего старого приятеля. Приснилось мне, что я встретился с ним, рассказал ему свою горькую, но поправимую весть и дал ему честное слово, что буду на палубе его судна не позднее трех часов этой ночи. И я должен был сдержать обещание».

– Тонкой стальной пилой, – сказал Латрап.

Гаррисон стоял неподвижно. В нем возникло несколько одновременных бессмысленных движений, но ни одно не родилось. Он был связан извне и внутри.

– Дайте знать в город, по округу, – сказал Гаррисон.

– Немедленно? – спросил, обгрызая ноготь, Латрап.

– Немедленно! Что вы хотите сказать?

– Ваше распоряжение...

– Ну?

– Ясно оно или нет?

– Никто не знает, что ясно, а что неясно! – ответил с сердцем Гаррисон, выходя и оставляя Латрапа в психологическом затруднении. Здесь он увидел Джесси и рассердился.

– Ты довольна? Твой спаситель удрал.

– Куда? – осведомилась Джесси, подбегая к нему.

– Как я могу знать, куда?

– Но ты сам сказал... Ты начал первый.

– Я думаю, что первая начала ты, – ответил Гаррисон. – Впрочем, извини меня, я устал.